

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Иара Эльтерруса
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ВЕРА ИЗГОЕВ

**ВИТОЙ ПОСОХ. ПРОБУЖДЕНИЕ
ВИТОЙ ПОСОХ. ПОСТИЖЕНИЕ**

Цикл
«ЭЛИАНСКАЯ ИМПЕРИЯ»

**БРЕМЯ ИМПЕРАТОРА. ТРОПОЙ МАСТЕРОВ
БРЕМЯ ИМПЕРАТОРА. СКРЫТОЕ ПРОРОЧЕСТВО
БРЕМЯ ИМПЕРАТОРА. НАВСТРЕЧУ СУДЬБЕ**

Цикл
«ДЕВЯТИМЕЧЬЕ. СЕРЫЙ МЕЧ»

**СЕРЫЕ ПУСТОШИ ЖИЗНИ
ДЕТИ СМЕРЧА**

В соавторстве с Ларком Аэри
ВИТОЙ ПОСОХ. ХРОНИКИ СЕВЕРА

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Иар ЭЛЬТЕРРУС,
Ларк АЭРИ

ВИТОЙ ПОСОХ.
ХРОНИКИ СЕВЕРА

Роман

Москва, 2012

&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Э53

Серия основана в 2004 году
Выпуск 418

Художник
С. А. Григорьев

Эльтеррус И., Аэри Л.

Э53 Витой Посох. Хроники Севера: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 344 с.: ил.— (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1217-4

На севере порой рождаются люди с горячим сердцем и пытливым умом, на которых положили свой глаз сами древние боги. Много испытаний ждет их — ведь боги жестоки к своим избранникам. И стать ли послушным проводником воли высших сил или, прислушиваясь к ним, самому делать нелегкий выбор, принимая все его последствия, каждый решает сам. Путь впереди нелегок.

Эта книга повествует о событиях, происходивших во времена, предшествующие описанным в первой книге о Витом Посохе на территории севера и северо-востока той же каверны.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1217-4
© Иар Эльтеррус, Ларк Аэри, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

«Начинался второй день лета, но он не сулил радости. Низкие свинцовые тучи затянули небо над Дойном. Яркие зеленые луга, светлые озера и перелески выглядели мертвыми. Восходящее в дымке над Архенарской грядой солнце оказалось багровым и отбрасывало на все вокруг зловещие блики. Солнечный диск еще был виден между вершинами скал и наползающим краем туч, но скоро тучи сомкнутся с вершинами гор, и тогда начнется действительно страшное. Уже клубятся на горных тропах белесые дымы.

Князь Эргисарен Ин Дари, статный светловолосый мужчина в сверкающих доспехах, лет пятидесяти на вид, с точеными чертами лица, стоял вместе с несколькими верными вассалами на вершине холма. Он смотрел на приготовившиеся к последнему бою войска.

«Лучше погибнуть в бою, чем попасть в руки жрецов Дора. Рабство и безысходность — вот удел оставшихся в живых».

Старший сын и наследник на серебристом карайне во главе верного ему отряда, на платиновых волосах кровавый отблеск восходящего солнца, как свежая кровь. Он попросил права умереть первым, и отец не смог ему отказать. Даже Верелея, его старшая дочь, надела сегодня кольчугу и взяла в руки меч. Она тоже не желает стать храмовой рабыней — утехой для жрецов. Старшие дети смогут умереть достойно, как подобает детям правителя Дойна. Эргис беспокоился только о судьбе младших, оставшихся в родовом замке вместе с матерью и верными слугами: Лиерии было семь лет, а Энели всего четыре. Двое средних сыновей —

близнецы пятнадцати лет Мелианор и Эйранел были при нем.

В свои сто семьдесят девять лет князь не питал иллюзий в отношении исхода грядущего сражения. Слишком мало защитников и почти не осталось магов. За победу дорцы заплатят дорогой ценой, но на сей раз вряд ли удастся удержать жадные полчища, рвущиеся через горы. Может, денери, как звали себя прародители и как до сих пор именовали себя чистокровные жители Дойна в память о них, прогневили богов своей надменностью? Но это в прошлом, как и былое величие. Или просто каждый народ приходит и уходит в свой черед, и теперь настала пора уйти светловолосым потомкам народа, покинувшего этот мир в незапамятные времена?..

С тех пор как южный сосед Дора — королевство Игмалион взялось планомерно вытеснять дорцев с Восточного материка, соединенного с Западным только узким Илайским перешейком, дорская корона, будучи не в силах справиться с растущей мощностью южан, вновь устремила свой взгляд на север — на еще неподвластные ей богатые земли Дойна.

Противостояние двух народов длилось уже не первое тысячелетие. В давние времена денери жили по всей территории каверны, а может, это было и до разделения мира на участки, называемые теперь кавернами. Хроники освещали лишь период, когда потомки денери остались только на севере этой каверны. Предки нынешних дорцев пришли после глобальной катастрофы откуда-то с юга. Сначала их было совсем мало, и пришельцы не беспокоили тогдашних правителей Дора, тогда еще Даэрна или Даэра. Даэрцы не были многочисленным народом и поначалу решили, что места хватит всем. Но со временем, где силой, а где хитростью и обманом пришедшие начали вытеснять даэрцев все дальше на север, отрезав их от исконных областей на севере Восточного материка. И вот теперь пришло время последней битвы.

Вдали показались ряды дорской панцирной пехоты, а за их спинами строились в ряды лучники. Где-то сзади копошились дорские жрецы и служащие им маги, там же черны-

ми пятнами виднелись и нигакте — зачарованные жрецами воины, но уж им-то развернуться он не даст. По традиции князем мог стать не просто чистокровный денери, а только тот, кто обладал даром настоящего мага.

Князь поднял руку, и карайны рванулись с места серебряными стрелами, унося своих всадников в последнюю славную битву».

Молодой беловолосый мужчина оторвался от манускрипта, который только что перечитывал. Это был главный труд всей его жизни. Элианар ло'Райди еще некоторое время оставался в задумчивости, потом взял перо и дописал:

«Говорят, что от стрелы безвестного до той поры лучника князь умер далеко не сразу. Проклятие Дору, произнесенное им перед смертью, сыграло свою роль, когда южане решили присоединить полуостров к игмалионским землям. Те, кто слышал проклятие, давно мертвы, и никому теперь неизвестен его настоящий текст».

«Ветер разбросал нас, как палые листья поздней осенью. Время лишило былой славы. И даже наши имена стерлись из памяти потомков. Жизнь на чужбине горька, и нет ни единого просвета в доле покоренных», — с болью думал Элианар, перекладывая листы рукописи, разложенные на столе.

— Хасве! — услышал он голос хозяина. — Долго мне еще тебя дожидаться?!

«Хасве» было скорее ругательством, чем обращением, но слуга уже привык к этому и не обращал внимания на реплики хозяина, не относящиеся к сути дела.

— Одну минуту! Сейчас приду! — громко ответил он, чтобы глуховатый хозяин не заподозрил его в непочтении.

Со вздохом запихнув рукопись на нижнюю полку стола, мужчина поднялся и, захватив хозяйские бумаги, вышел в соседнюю комнату.

— Я уверен, что ты опять занимался посторонними делами! — забрюзжал хозяин, увидев вошедшего слугу. — Вечно ты занимаешься чем угодно, но только не тем, что тебе поручено!

— Что вы, да-нери Лорхи! Все, что вы мне поручили ут-

ром, уже дожидается вас! — С этими словами, поклонившись, он вручил пухлую папку в руки своего господина.

— Знаю я тебя, — продолжил бормотать тот, бегло просматривая бумаги. — Почему тогда не вышел сразу?.. — Но в его голосе уже не было прежнего недовольства.

«Хороший работник, только слишком уж любит отвлекаться на глупости», — думал он.

— Простите, да-нери, я еще раз проверил, все ли документы сложены в надлежащем порядке, — еще раз поклонился слуга.

Как обычно, увидев почтение и аккуратное отношение к работе, хозяин пришел в благодушное состояние и покровительственно потрепал исполнителя по плечу.

— Все. Пока свободен, но никуда не уходи, может, ты мне еще потребуешься, если нужны будут пояснения. — С этими словами он отослал слугу.

Элио вернулся в свою комнату и вновь достал рукопись, которая пока была озаглавлена просто: «Хроники Севера». В ней он пытался описать историю своего народа, а также самые интересные факты и легенды из прошлого земель, лежащих к северу от Игмалионского королевства, в состав которого они вошли не так уж давно. Записывал он и свои размышления на эту тему, без всякой надежды, что кто-либо когда-нибудь их прочтет.

Родом из денери — исконной аристократии Дойна, Элианар ло'Райди был рад, что ему удалось найти на территории Центрального Дора спокойную и не слишком обременительную работу, которая оставляла время на занятие любимым делом. А загадки древней истории с детства приводили его в трепет. На самом деле Элианар был гораздо старше, чем казался на вид, что было естественно для народов, живущих долго. Если бы не война, разрушившая привычный для него мир и отнявшая всех, кого он любил, денери продолжил бы свои научные изыскания в родных краях. Время распорядилось иначе. Но Элианар радовался и такой возможности, ведь многие из его соотечественников не имели и этого.

Глава 1

ПРИШЕДШИЕ С МОРЯ

«Испокон веков мощное течение, как широкая река, несет свои воды с востока к берегам Дорского полуострова и, наткнувшись на неприступные скалы севера, поворачивает вспять. Эти воды богаты рыбой и морским зверем, особенно вблизи берегов Райна¹. Но сколько человеческих жизней уносят каждый сезон внезапные и свирепые восточные шторма. Даже крупные корабли не рискуют покидать защищенные бухты, когда наступает время восточных ветров.

В легендах сохранилась память о том, что некогда с северо-востока приходили корабли. Ныне только море простирается до самого невидимого предела. Никому пока не удалось пересечь его и вернуться обратно. Однако из года в год на побережье непонятным образом появляются странные люди. Порой они даже не помнят своих имен, но каждый из них несет на себе печать тайны».

Элианар ло'Райди. «Хроники Севера»

В кромешной тьме под затянутым бурей небом тяжелые штормовые волны били в подножие узкого скалистого мыса, на котором стояло родовое жилище графа ло'Айри. Замок назвать его было нельзя — окруженный высокой каменной стеной дом в два этажа из дикого, слегка отесанного камня с деревянной надстройкой. Соленые брызги мелкой пылью долетали даже до ее окон, а от порывов ветра дребезжали стекла. На нижних этажах стекла уже не использовались, узкие оконные проемы защищали мощные

---

¹ Райнский архипелаг.

двойные ставни. Но ничто не могло спасти молодую женщину, которая второй день умирала в этом доме.

Граф в оцепенении сидел у постели умирающей жены, которая так и не дожидаясь появления на свет их второго ребенка. Первенец, которому скоро исполнится семь, здоровый и крепкий мальчик, находился сейчас на попечении доброй пожилой служанки, нянчившей еще самого графа. «Море дало, море и уведет», — шептались слуги. Оно и правда, лодку с полуживой девушкой прибило к берегу после такого же шторма, пришедшего с востока. Откуда она, девушка объяснить не смогла, как то ли не могли, то ли не хотели говорить и другие пришедшие с моря. Их были единицы, но они появлялись, сколько помнили жители этих мест. Некоторых прибывало к берегу на лодках, других просто находили на берегу. Часть оседала здесь же, в приморских поселках, другие уходили вглубь страны по одним им известным причинам.

Светловолосая девушка с ясными серо-голубыми глазами не была красавицей, но молодому ло'Айри показалось, что она светится каким-то внутренним светом. В ее глаза хотелось смотреть не отрываясь, и граф взял ее в свой дом, а через полгода объявил о свадьбе. Через полтора года родился первенец, по мере возрастания становившийся все более похожим на своего отца.

Тяжелая жизнь на Северных Пустошах, как за глаза называли эти края редкие гости из центральных областей королевства и надменные дорцы, шла своим чередом. Скудная каменистая земля побережья не могла прокормить даже то малое население, что обитало в этих краях, кормильцем людей было неласковое северное море. Оно приносило улов рыбакам и охотникам за морским зверем, но порой забирало их самих. Потому в этих местах редко вспоминали Троих, но помнили о Морской Матери, Урагане и других древних богах, чтили, но не преклонялись в страхе, как этого требовали заезжие дорские жрецы. Но жрецы из Дора были здесь редкими гостями, в отличие от дорских пиратов, также желающих поживиться чужой работой, чужим телом и чужим страхом. Вот с ними шла постоянная война за право на жизнь.

Слез уже не было. Сорейн просто сидел, держа исхудавшую за сутки руку любимой в своих. Лаэрия запретила звать ведающих, сказав, что они все равно не смогут помочь, потому что это ее судьба. Граф, не послушав ее, сам отправился еще днем сквозь бурю к дому ведуньи и даже уговорил ее пойти с ним, хотя та сразу сказала, что ни в ее, ни в чьих-либо силах помочь его супруге. Придя в дом, ведающая ненадолго велела оставить ее наедине с уходящей. Пробыв с ней около получаса, ведунья вышла.

— Простите, милорд, не в моих силах помочь вашей жене, но... — Женщина запнулась, потом все же продолжила: — Выслушайте и отнеситесь серьезно к тому, что скажет вам она. Мне она поведала многое, и не все я могу открыть вам, но то, что вы услышите, очень важно.

— Спасибо вам за участие, матушка, — выдавил из себя Сорейн и подал ведающей плату — узелок с серебряным обручем его покойной матери.

— Уберите, милорд, — нахмурилась ведунья. — Я не возьму и медной монеты. Только исполните то, что скажет вам да-нери Лаэрия. Держитесь — все в руках Высших. Да помогут милосердные вам и вашим детям.

Граф подумал, что ведающая оговорилась, ведь у него был только один ребенок, и не придавал значения этой оговорке. Он попросил доверенных слуг проводить пожилую женщину обратно в ее дом и приказал, чтобы взяли для нее хотя бы сладостей, которые, как он знал, матушка Веранна очень любила и не должна была обидеться и отказаться от такого подношения.

Проводив гостью до дверей, Сорейн поднялся наверх и вошел в комнату Лаэрии. Она по-прежнему обессиленно лежала на кровати, только теперь на ее лице появилось какое-то необычно спокойное выражение.

— Подойди ко мне, — тихо произнесла молодая женщина. — Мне надо сказать тебе кое-что важное.

Граф подошел и сел, взяв ее руку в свои.

— Что ты мне хочешь сказать, милая? — спросил он.

— Не надо плакать обо мне. Мое время истекло, хотя я и не думала, что это случится так рано.

Мужчина стиснул ее руку и неотрывно молча смотрел ей в глаза.

— У тебя подрастает сын, он будет тебе надежным помощником. Ты знаешь это. Но я хочу попросить тебя о другом. Я не смогла родить тебе второго сына, но не печалься. Когда ты найдешь на берегу моря, так же, как нашел меня, маленького мальчика — возьми его и воспитай как родного сына. Я не могу тебе сказать всего... Но... дай ему все тепло, которое ты подарил бы своему сыну... Он... — Лаэрия хотела еще что-то сказать, но внезапно закашлялась и замолчала, прикрыв глаза.

Сорейн дернулся, но она с трудом открыла глаза вновь и продолжила:

— Береги его... и он... убережет тебя и всех... — На этих словах женщину затрясло, она из последних сил приподнялась на кровати, сжав руку мужа.

Слеза скатилась по ее щеке.

— Прощай, — прошептала она и ослабла, осев на подушки.

Глаза Лаэрии закрылись, и Сорейн почувствовал, что ее больше нет. Он закрыл лицо руками и просидел так неизвестно сколько, в полузабытьи. К утру граф очнулся и, приказав слугам готовить тело к морскому погребению, сам ушел на берег моря.

Буря уже закончилась, ветер понемногу слабел, но волны с пенными гребнями еще мощно накатывались на побережье. Граф заметил, что сильным прибоем подломило несколько столбов в сараях, где сушились сети, — надо будет потом сказать плотникам, чтобы заменили их, пока сараи не рухнули вовсе. Привычные мысли о повседневных заботах ненадолго отвлекли Сорейна от горя, в которое он погрузился после смерти жены. Граф пошел дальше вдоль берега туда, где серые от поднятого песка волны неумолимо с каждым большим штормом вгрызались в береговые скалы. В тихую погоду прибой уже не доходил до них, и там образовалась крохотная бухточка, где они с Лаэрией любили проводить время, особенно теплыми летними вечерами. Но сейчас волны еще захлестывали всю полосу песка под скалами.

«Вот войти бы сейчас в море и последовать за ней...» — мелькнула прохладная успокаивающая мысль.

Но граф оттолкнул ее, хотя это было смертельно больно. Нет, все же у него остался сын и эта странная просьба любимой. Такое пожелание всегда было законом для любого жителя побережья, и Сорейн, выросший, как и поколения его предков, в этом краю между морем, скалами и небом, думал так же. Что ж, если действительно море принесет ему сына, то так тому и быть. А уж что будет потом, так это будет потом.

Вечером Лаэрию положили в лодку, которую тянули вдоль берега сам граф и двое близких ему людей, и оттащили к Синей скале. Невдалеке от берега там проходило течение, уходившее в открытое море, на восток. Нечасто здесь вспоминали этот древний обычай, но тех, кто пришел с моря, возвращали ему именно в этом месте, когда на закате набирало силу течение, усиливаемое отливом. С началом отлива лодку оттолкнули от берега, и она поплыла, сначала медленно, потом все увереннее, словно знала, куда держать путь. Через час она стала просто точкой, мелькающей среди волн, и исчезла вдали.

С этого дня у графа ло'Айри вошло в привычку обходить морской берег утром и на закате, от Ржавых скал на западе до Синей скалы на востоке. В конце своего пути он подолгу стоял, глядя в море, пока не исчезали последние блики солнца на его волнах. Люди графа ничего ему не говорили и старались не обращаться к нему со своими делами в это время.

Поначалу эти обходы были ежедневными, но постепенно Сорейн начал возвращаться к обычному распорядку дел, и прогулки по берегу становились реже. Дружинники графа взяли большую часть патрулирования берега на себя. Только во время сильных бурь он регулярно сам проходил этот маршрут по берегу, не доверяя никому.

Так прошло полтора года.

Осеннее небо над окрестностями города Ройден на восточном побережье Дорского полуострова в этот день было

на редкость ясным, и солнце пригревало почти по-летнему, когда на прибрежную полосу песка из подошедшей к берегу лодки выпрыгнули двое юношей, один темноволосый, постарше и выше ростом, а второй — скорее подросток со светло-пепельными волосами и хрупким телосложением. Они помахали мужчине, сидевшему на веслах, и лодка быстро отошла от берега, направляясь в обратную сторону. Оба товарища поспешили отойти от воды и углубились в лабиринт скал, окружающих храм. Они заранее решили, что днем у них будет больше шансов остаться незамеченными среди прочих обитателей храма и выяснить, где находится мать Калена, как звали старшего юношу. Найдя ее, они собирались вернуться обратно через скалы на открытый берег, где и подать условленный сигнал человеку, который доставил их сюда. В крайнем случае, молодые люди собирались вместе с матерью Калена добраться до ближайшей рыбацкой стоянки и там попросить доставить их с узкой косы, на которой находился храм, обратно в город.

Однако в этот день удача явно была не на их стороне или они своим дерзким поступком прогневили древнюю богиню: выбравшись из скального лабиринта, товарищи почти сразу натолкнулись на одного из старших жрецов храма, обходившего окрестности вместе с храмовой стражей.

Калена замучили до смерти там же, на пляже, останки тела по частям выбросили в море, которое сразу вскипело от любителей дармовой еды. Арэн думал, что он будет следующим, но жрец посмотрел на него оценивающим взглядом и велел отвести в храм. Юноша понял, что значит этот взгляд, так смотрели на него охранники у дверей дома, куда его сестра устроилась служанкой. Иногда брат приходил проведать сестру, а охранники стремились дотронуться до него и делали вполне определенные жесты — Арэн с его тонкими чертами лица и шелковистыми пепельными волосами уродился слишком красивым для сына безродного плотника. Сестра была в мать, светловолосая и улыбчивая, а он вырос непохожим ни на нее, ни на отца. Тот порою качал головой, глядя на сына, но никогда ни единым словом подозрения не обидел их мать.

Арена быстро отвели в одну из комнат храма и заперли там одного. Чтобы отвлечься от страшных мыслей, юноша невольно вспоминал рассказанное его отцом.

Около пятнадцати лет назад соседний Игмалион завоевал их государство. Но на удивление грабежей и захвата рабов не случилось. Наоборот, страшный Мертвый Герцог запретил рабство и провел несколько рейдов против пиратов и бандитов. Правда, королевскую династию и некоторые из аристократических родов вырезал под корень, чтобы и не думали о восстановлении своего престола, но разве таким, как отец Арена, было до этого дело? Подати не увеличились, зато с центральных площадей исчезли рабские рынки, где пираты продавали невольников с континента, а рядом родители продавали детей, а мужья жен. Жуткое древнее Семейное уложение было отменено. По нему дети считались собственностью родителей до семнадцати лет, с этого возраста сыновья могли распоряжаться всем вновь приобретенным имуществом самостоятельно, а после смерти родителей — и своими сестрами, не вышедшими замуж. Замужние женщины переходили в собственность их мужей.

Отец Арена никогда не относился подобным образом ни к своей жене, ни к детям. Но в других семьях отголоски этих обычаев жили и до сих пор. С площадей ужас ушел за толстые каменные стены домов, а храмы хоронили свои темные дела в глубинах моря. Поэтому и до сих пор отцы женатых сыновей могли потребовать благосклонности от своих невесток, господа от слуг, а храмы брали оплату за долги живым товаром. Храмовые слуги теряли все — от своего достоинства до каких-либо частей тела, да и жили недолго — обряды требовали жертв.

Хромому рыбаку, отцу Калена, нечем было отдать долг храму, удача не сопутствовала ему последние декады. Сын был уже старше семнадцати, и храм забрал за долги его жену. Кален решил выкрасть мать из храма и уговорил отца эмигрировать в Игмалион, пусть даже на забытые всеми богами Северные Пустоши, лишь бы сбежать из этого кошмара. Арен взялся помочь товарищу.

Через несколько часов, когда уже начало темнеть, Арена привели в небольшое помещение, где его ожидал тот самый старший жрец, который стал виновником их неудачи. Первым делом этот человек спросил, кто помог им добраться до храма, и рассказал про путь через лабиринт; ну и, конечно, зачем товарищи пытались тайком пробраться в храм. Арен собрался молчать в любом случае, правда, судя по поведению жреца, того, пожалуй, больше интересовал сам юноша, а не его ответы.

Через час, когда Арена мутило и ноги едва держали его, жрец вновь приступил к расспросам. Юноша понимал, что у жрецов есть способы разговорить кого угодно, но решил держаться сколько сможет.

— Мразь! — От хлесткого удара старшего жреца по лицу из глаз Арена брызнули слезы, но он молчал.

Вырваться было бесполезно — двое дюжих послушников крепко держали его, вывернув руки.

— В подвал его! К агуалам! Посмотрим, что он запоет...

И парня оттащили в каменный мешок в подвалах храма. Жрецы ожидали, что вскоре услышат мольбы о милости, но не дождались. Попав в холодный и влажный изнутри каменный мешок, Арен на какое-то время впал в забытие от всего пережитого за этот день, а когда очнулся, десятки слизких тварей уже присосались к его телу в разных местах, он молча пытался срывать их, и они отрывались, оставляя проеденные дырки на коже. Потом, обессилов, он снова потерял сознание.

Когда через сутки юношу вытащили из подземелья, у него не хватало левого глаза, двух меньших пальцев на правой руке и многих кусков плоти на других местах. Кровь, правда, не текла, в слюне агуалов было кровеостанавливающее вещество. Младший жрец печально присвистнул:

— Да он теперь ни на что не годен! Все объели.

— Не совсем все! — хихикнул второй, глядя в упор на обнаженного юношу. — Может, исправить?!

— Да Храг с ним, пусть катится на все четыре стороны. Он нам больше не помеха.

— Как знаешь... А старшие не спросят потом с нас? Они же хотели что-то узнать.

— Хочешь, пойди и сообщи. Сам потащишь этот огрызок к ним и отчитаешься о работе. Я не буду больше руки мारать.

— Ну вот еще, они спросят, почему не проверил раньше...

— Вот и я говорю: пусть катится.

— А если спросят, где?

— Скажешь, съели. Я подтверждаю. Иногда на этих тварей и правда находит жор, так что чуть не уследишь, и тью-тью...

Вскоре, накинув на Арена старый плащ, его вытащили через калитку, ведущую на берег моря, и, оттащив к ближайшим скалам, бросили там. Молодые жрецы были совершенно спокойны — то, что не доели агуалы, доедят морские твари, стоит только юноше зайти в воду, да и вообще с такими ранами долго не живут.

Однако на этот раз жрецы ошиблись, свежий ночной воздух привел юношу в чувство, и он машинально пошел тем путем, по которому пришел на территорию храма. Потом, добравшись до первой же рыбацкой стоянки, никем не замеченный, отвязал какую-то лодку и, оттолкнув от берега, перевалился через борт. Некоторое время он даже смог кое-как поработать веслами, чтобы удалиться от берега, после чего упал на дно лодки и отдался на волю богов. Ветер и набирающий силу отлив потихоньку уносили хлипкое суденышко с беглецом в открытое море.

Прошло почти полтора года со времени смерти Лаэрии. Однажды, уже ближе к осени, когда подули холодные ветра и небо уже с утра все чаще оказывалось затянутым тяжелыми свинцовыми тучами, беспокойство вновь овладело графом ло'Айри. Его люди перешептывались, но приняли как должное, что их владетель все чаще стал делать обходы сам, иногда с кем-то из дружинников, иногда в одиночестве.

Море штормило уже третий день, выходить на лов было бесполезно и опасно — северо-восточный ветер легко мог сорваться стремительным шквалом с востока, да и рыба в такую погоду уходила в глубину. Сорейн отправился на запад, к Ржавым скалам, еще задолго до вечера. Ветер поне-

многу крепчал. На обратном пути к мысу, на котором находился его дом, начался дождь, ветер явно переходил к востоку, начиналась буря.

Накинув капюшон плаща, граф шел, наклонившись вперед, навстречу ветру, не забывая при этом внимательно оглядывать прибрежный песок и торчащие из него скалы, которые уже захлестывали первые штормовые волны. Вдруг между двух стоящих вертикально почти плоских обломков скал он заметил застрявшую лодку. Сорейн мог поклясться своим родом, что на пути от дома к скалам ее в этом месте не было, в то время еще хватало света, и он неспешно оглядывал берег.

Не обращая внимания на хлесткие струи дождя и резкий ветер, граф бросился к лодке. Слишком близко от воды, штормовые волны скоро разобьют скорлупку в щепки. Ожидал ли он то, что увидел? Наверное, да. Подогнув под себя ноги, на дне лодки сжался мальчишка, совсем еще малыш, судя по росту, лет трех-четырёх. Сорейн подхватил его на руки, и тут же большая волна ударила прямо в створ скал, между которых застряла лодка. Граф чуть не задохнулся от потока солоновато-горькой воды, ударившего ему в лицо, но не отпустил прижатого к груди ребенка. Когда волна откатилась, лодки между скал больше не было, только несколько обломков досок застряли между камней. Сорейн, увязая в мокром песке, рванулся прочь от моря, унося найденныша.

Береговая тропа была опасна при таком разгуле стихии, пришлось по скользким от дождя камням, спотыкаясь, карабкаться наверх, на стежку, ведущую по холмам. Выбравшись на нее, Сорейн осмотрел мальчишку, тот находился без сознания, но видимых ран и переломов не было, и граф поспешил к дому со всей возможной скоростью. Но в такую погоду две мили, отделявшие его от дома, заняли в три раза больше времени, чем обычно.

Когда принесенный морем пришел в сознание, Сорейн спросил его: «Кто ты?» Мальчик ответил: «Халег». Объяснить, откуда он и как оказался в море, малыш не смог.

А через три дня шестьюстами милями к западу прибило старую лодку с обезображенным до неузнаваемости человеком, скорее всего подростком. Дело было днем, и жители поселка, узнав о находке, высыпали на берег. Однако, увидев незнакомца, все застыли в нерешительности. На первый взгляд юноша казался мертвым, и селяне спорили в основном о том, что могло оставить на нем такие чудовищные раны. Они тихо переговаривались, некоторые женщины всхлипывали, но никто не осмеливался приблизиться.

Однако через некоторое время в толпе раздался ропот, и она раздалась, пропуская высокую худую женщину лет сорока пяти на вид, темноволосую, в черном балахоне, с некрасивым, но властным лицом. В поселке ее прозывали Карада, вряд ли это было имя, но так уж повелось, она и сама отзывалась на это прозвище. «Ведьма, ведьма», — пронесся легкий шепоток. Женщина в черном только криво усмехнулась, прекрасно слыша даже самый тихий шепот в толпе. Впрочем, ей не было никакого дела до глупых селян.

Ту, кого называли Карада, уважали и побаивались, хотя за все тридцать с лишним лет жизни в этом забытым богами поселке она ни разу не причинила зла ни одному живому существу. Да, в порыве раздражения, например, на подростков, устроивших в пылу игры гвалт возле ее дома, она не раз обещала проклясть их всех, а потом снять проклятие с невиновных, буде такие случайно попадут под горячую руку. Но ни разу пока никого не прокляла, а, наоборот, лечила селян травами и заговорами, не раз ставила охрану и отвод злых умыслов, если поселку грозила опасность извне. Но досужие слухи все равно ползли по домам. Говорили, к примеру, что она самая настоящая черная дорская ведьма, которая проиграла своей сопернице и вынуждена была отправиться в изгнание. Правды не знал никто, поэтому домыслы были самые фантастические.

Учениц ведьма не брала, да оно и понятно, все местные с даром ведающих были светлыми, а дар Карады — темным. Это единственное, что известно было наверняка. И вот сейчас, пройдя через расступившуюся перед ней толпу, она, не останавливаясь, подошла к несчастному, лежавшему в лод-

ке, и наклонилась над ним. Через несколько мгновений выпрямилась и сказала, повернувшись к селянам:

— Он жив. Жизненная искра еще не покинула тело. Я беру его к себе. Есть здесь хоть один мужик, кто поможет мне донести парня до моего дома?

Селяне громко зашумели. Было что-то зловещее в принесенном волнами юноше, да и сама Карада внушала опаску. А не исполнить просьбу ведьмы — навлечь беду наверняка. В конце концов кто-то не выдержал и стал пробираться вперед.

— Я подсоблю, да-нери Карада, — вышел вперед крепкий мужик с какой-то клочковатой бородой и растительностью на голове.

В толпе кто-то хихикнул.

— Сован-непутевый несчастий на свою голову ищет, — послышался бабий голос.

— Али приглянулась ему ведьма, — добавил другой с издевкой.

— Молчали бы, беспутные, глядишь, и обойдет вас несчастье, — обронила, ни к кому не обращаясь, ведьма, и все голоса тут же стихли, стало слышно, как жужжат насекомые.

— Ну дак что ж? Беру это я парня? — спросил тот, кого назвали Сованом, поклонившись темной ведающей.

— Бери, раз вышел, — хмыкнула та, рядом стало видно, что ведьма чуть ли не на голову выше помощника, да и в плечах не *уже*. — Бери под руки, а я с другой стороны возьмусь.

— Да, может, я сам? Я сам донесу-то, в убогом и веса-то нет.

— Делай, как велено! — оборвала его Карада. — Да неси не как мешок!

Вытащив юношу из лодки, они перехватили его поудобнее и пошли через широко расступившуюся толпу. Аккуратно ступая, Карада стала пятиться спиной вперед по направлению к своему дому, выстроенному на окраине поселка около скал. Идти было недалеко, и, несмотря на неудобную ношу, вскоре ведунья и ее помощник достигли дома. Карада велела заносить парня и класть прямо на ее кровать.

Сован смутился было, но взгляд ведающей был строг и не допускал возражений. Вздыхнув, мужчина исполнил приказ.

— А теперь иди сюда! — позвала его ведьма обратно во двор.

Сован послушно подошел.

— Останешься помогать мне по хозяйству, пока парень не оклемается. Мне потребуется много сил, чтобы поставить его на ноги, и недосуг возиться с хозяйством. Будешь делать все, как я скажу, и точно в срок — не обижу. На пока монету и иди колоть дрова.

Помощник проямлил что-то невнятное, но от монеты отдернул руку, как от ядовитой твари. Ведьма рассмеялась:

— Бери, не укусит! А впрочем, как хочешь... Топор возле поленницы. Наколи мелко, мне нужно много щепы, но не все, часть оставь половинками.

Сован покосился на нее, но монету так и не взял, направившись к поленнице. Оттуда вскоре послышались удары топора. Ведунья же направилась в дом, где без промедления занялась парнем.

Ее новый помощник по хозяйству во время передышек слышал то тихое, то громкое пение, прерываемое возгласами на непонятном языке. Сован уже корил себя за то, что вызвался в подручники, страх перед темной ведьмой был силен, а теперь она еще и привлекла его на постоянную работу. Кто знает, что еще ведьма придумает, а отказаться и того боязней. Поленья были нетолстые, как и везде в округе, ладно хоть такие есть, говорят, что дальше по берегу настоящие дрова — роскошь, топят торфом и плавником, если случается найти, а все дерево возят далеко из-за прибрежных холмов.

Переколов почти все дрова, но не осмеливаясь остановиться, пока не разрешат, Сован увидел вышедшую во двор Караду и ужаснулся — на ту было просто жутко смотреть, не видел бы пару часов назад — не узнал бы. Лицо побелело и осунулось, глаза впали.

— Эй, помощник! — хрипло произнесла ведающая. — Подай-ка ведро воды.

Увидев, как заметался Сован, не зная, где его взять, добавила:

— Не мечись! Вон там, у плетня.

Сован схватил ведро и подбежал к ведьме.

— Опрокинь на меня все!

Глаза мужчины расширились, но он исполнил ее просьбу. Вода была совсем не теплая — не лето уже. Карада охнула, когда Сован окатил ее, но быстро встряхнулась. «Кажись, полегчало», — с облегчением подумал тот.

— А теперь бегом за водой. Надо еще ведер пять. Потом топи печь на улице, вон — в углу. Грей воду. Парня надо обмыть. А я пойду в дом. Сделаешь все — постучишь. — И она, набрав охапку дров и щепы, удалилась.

Когда часа через полтора запыхавшийся помощник постучался в дом, то услышал голос:

— Заходи. Я хороший отвар заварила, сил придает. Тебе тоже на пользу будет.

Мужчина вошел. Ведунья уже выглядела отдохнувшей. Он бросил взгляд на парнишку, все так же лежащего на кровати, и, о чудо, кошмарные раны почти исчезли с его лица, только глаз, понятное дело, не появился. Теперь он уже вовсе не смотрелся мертвецом, как недавно на берегу.

— Проходи, вон в кружке тебе отвар. Пей, а я напою мальчишку. — И Карада направилась к больному.

От ее прикосновения паренек открыл глаза и стал удивленно озираться.

— Очнулся, пропащий! — по-доброму усмехнулась ведунья. — Вот пей — это целебный отвар.

— Где я? — Мальчишка попытался приподняться, но со стоном рухнул на постель.

— Не скачи пока, потерпи. Тебе надо набраться сил, да и раны твои не зажили еще до конца. А где? Так у меня дома.

— Я сел в лодку, и меня понесло в море... Куда я попал?

— А откуда ты плыл?

— Из Дора. — Юноша поморщился.

— Да-а... порядки в Доре не меняются, — скривилась ведающая. — Да ты пей, потом поговорим, будет еще время.

Она стала аккуратно поить найденыша из чашки, затем продолжила:

— А попал ты на Северные Пустоши, знаешь такие? Кстати, как звать-то тебя?

— Арен. Про Северные Пустоши я слышал. Я вот добрался, а они нет... — из единственного глаза парнишки потекли слезы.

— Кто «они»? — озабоченно спросила Карада. — С тобой был кто-то еще?

— Нет. Калена убили, его мать так и осталась в храме, а что с его отцом — не знаю. Это они собирались бежать сюда, я только попытался помочь, и вот...

— Так ты бежал из храма? Это там тебя так изуродовали? — В голосе ведьмы заскрежетал металл.

У Сована мурашки побежали по коже. А парнишка как ни в чем не бывало ответил:

— Да. Мать Калена забрали за долги мужа в храм, мы хотели помочь ей бежать и попались сами. — Арена затрясло.

Сован, изумившись сам себе, подошел ближе к мальчишке с Карадой и сказал:

— Да ты лежи, сынок, не вспоминай пока. Мы вот сейчас помоем тебя, а потом отдохай.

— И то верно, — вздохнула ведающая. — А то вода остынет.

Вскоре, разведя воду в лохани, Сован с Карадой отнесли в нее Арена и осторожно обмыли. Открытых ран на его теле уже не было, чему новоявленный помощник ведуньи изумился еще раз. Вытерев и принеся юношу обратно в дом, Карада отпустила Сована, сказав, что дальше справится сама, и велев приходить завтра днем. На прощание она насильно сунула ему в руку большую серебряную монету¹. На этот раз мужик не посмел отказаться. Всю дорогу до своего домишки он думал то о монете, на которую мог прожить чуть ли не полгода, то о мальчишке, который напомнил ему о так и не сложившейся семье, то о темной ведьме, которая явно отдала немалую часть своих жизненных сил, чтобы вернуть найденыша к жизни.

Вечером, после мытья, Арен все же рассказал Караде свою историю. Покормив мальчишку бульоном и напоив

его успокоительным настоем, после которого тот вскоре заснул, ведунья еще долго обдумывала его рассказ.

По всему выходило, что вряд ли он в таком состоянии протянул бы даже два-три дня, за которые лодку могло принести в эти края при благоприятных условиях, не говоря уже о том, что парня вынесло прямо к дому одной из лучших ведающих всего побережья, каковой не без основания считала себя Карада. Интересно, кто из богов положил на парня глаз и за что ему выпали такие страшные испытания?.. Может, не случайно глупые молодые жрецы похода помянули Храга — Собирателя Душ? Не всегда одноглазый Собиратель дожидается душ в Нижнем Мире, не зря его так боялись клятвопреступники, лжесвидетели и нарушители обетов, ох не зря... Не любит он и тех, кто, прикрываясь словами о благе, творит зло...

Закатное небо отражалось в мокрой прибрежной гальке, играя на ней рыжеватыми отблесками. Море катило зеленоватые волны вдаль от острова, к берегам Дора. Внезапно черная молния прорезала небо над каменистой косой, уходящей в море, и на гальке появился скорчившийся человек в черной кожаной одежде и с такими же черными волосами ниже плеч. Когда человек, застонав, разогнулся, стало видно, что это юноша со светлой кожей и голубыми глазами.

Извернувшись в падении, как кошка, Ирион приземлился на ноги и сразу перекатился, но одну ногу он все-таки повредил: сказалась высота падения. Ощупав ее, юноша убедился, что перелома нет. Но больно, очень больно!

Он сорвался при прыжке и упал на краю плато в каменный колодец, у которого, как говорили, нет дна. Зря говорили — вот оно дно. Преследуемый нехсаре, Ирион прыгнул через край провала на другую сторону. Семь шагов для него не расстояние, но ненадежный камень вывернулся из-под ноги и потянул за собой. Нехсаре — полулюди-полудухи,

---

На севере Игмалиона имеют хождение не только игмалионские далеры, но и старые дорские монеты, а также более древние. Оцениваются они по весу. Большая серебряная монета приблизительно в десять раз больше игмалионского далера и ценится наравне с игмалионским золотым и даже несколько дороже.

чистая сталь их не берет, раны затягиваются слишком быстро, только закаятая особым образом на крови, но Ирион был еще слишком молод, чтобы владеть закалятым оружием, приходилось полагаться на свою ловкость и скорость.

Где же это он оказался? Наверно, это другой мир, столько воды до самого горизонта... Море — вспомнил он название. Там, где Ирион прожил предыдущую часть жизни, море существовало, но где-то далеко от мест, в которых прошло его детство. Море юноше понравилось, хотя видеть столько воды до самого горизонта было непривычно. О существовании других миров он слышал, но никто не рассказывал, как они выглядят. Юноша потянулся к воде и попробовал ее — солоновато-горькая, значит, пить ее нельзя. Надо найти обычную воду. Но как ему теперь двигаться? Лодыжка распухла на глазах. При таком повреждении надо бы плотно замотать ногу и желательнее привязать к ней какую-нибудь деревяшку. Вокруг не было видно ни дерева, ни кустика, одни камни и скалы. Даже замотать ногу было нечем, все его хозяйство — кожаная одежда на голое тело и меч с кинжалом на поясе, не считая разных полезных мелочей в мешочке.

Подавив боль, юноша, прихрамывая, побрел вглубь острова, где надеялся найти пресную воду, а может, и людей, которые смогут ему помочь.

Он прошел не так уж много, когда услышал вдали человеческие голоса, и направился на их звук. Приблизившись к источнику звуков, Ирион замедлил движение, человеческие голоса ругались между собой, что было понятно без слов. Однако искать других людей времени не оставалось — начинало смеркаться. Несколько раз споткнувшись, что вызвало острую боль в вывихнутой лодыжке, юноша вышел на источник голосов.

Посреди стоящих торчком скал раскинулся небольшой человеческий лагерь. Неопрятные люди сидели вокруг костра, на котором варилась пища, некоторые сварливым тоном разговаривали друг с другом, другие лежа обнимались с такими же неопрятными полураздетыми женщинами, третьи — со стеклянными бутылками с темной жидкостью.

«Эт шерх, нор ваэ?» — попытался произнести юноша

стандартную приветственную фразу прибывшего в чужой лагерь, что означало: «Кто вы и куда лежит ваш путь?» — но его губы, к величайшему удивлению Ириона? произнесли:

— Какого вы рода? Я хотел бы быть вместе с вами.

Почти все без исключения люди, даже занятые чем-то своим, повернулись на его голос. Они были удивлены не меньше самого Ириона.

— Ты кто? — произнес один из лежавших рядом с женщиной. — И вообще, откуда ты взялся?!

Голос не предвещал ничего хорошего, видимо, мужчина был главным у этих людей. Юноша хотел сказать нечто другое, но снова неожиданно для себя произнес:

— Я пришел с моря. Надеюсь на вашу доброту.

Кто-то при этих словах хихикнул, но главный сказал:

— Если хочешь быть с нами, тогда садись к костру, бабы тебя накормят. А потом, — добавил он, — можешь и поваляться с ними.

Юноша понял только одно: его не прогнали и позволяют поест из общего котла. Он как-то поблагодарил главного и присел к костру. Одна из женщин, не занятая ни с кем из мужчин, навалила ему еды в глиняную миску и отползла в сторону. Ирион с удовольствием поел и решил вымыть миску, как полагается по закону гостеприимства. Однако его порыв был уничтожен на корню — молодая женщина под села к нему и обняла за плечи. Ирион не запомнил, о чем они говорили, но в результате остался с ней на всю ночь.

Утром ему было хорошо. До этого раза ему не приходилось быть с женщиной — это была привилегия старших. Нога уже почти не болела — юноша восстанавливался очень быстро, что всегда вызывало зависть у соплеменников. Лежа под шерстяной накидкой рядом с весьма привлекательным женским телом, Ирион вспоминал, что его народ, как ни странно, тоже относился к нему как к чужаку до поры, пока он не стал вместе с воинами резать всех, кто посягал на их территорию. Таковых было немало, начиная от безродных кочевников и кончая существами, мало похожими на людей. Сам Ирион вырос в лесу вблизи большого озера Онг. Его воспитательницей была пожилая женщина, лечившая травами и наговорами все ближайшие людские

поселения. Своих родителей он не знал, но его приемная мать сказала однажды, что он более чем просто человек. Что это значит, юноша не понимал до сих пор. Большое озеро, на противоположном берегу которого лес выглядел кустарником, Ирион преодолевал быстрее всех раза в два. Воду он любил, и она любила его. Юноша зачерпнул горсть песка и всмотрелся в него, — на берегах Онга не было песка, только земля и древесные корни. Песок тоже посмотрел на юношу и запомнил его.

Люди начали постепенно просыпаться; кто-то ругался, кто-то звал кого-то. Юноша освободился от объятий женщины и попробовал встать. Ему это удалось. Нога уже почти не болела, но Ирион знал, что для полного выздоровления ему нужно еще не меньше двух суток. Кто-то пристально посмотрел на него, юноше этот взгляд не понравился, в нем чувствовалась неприязнь и еще что-то.

«Сор элге раш шме?! — произнес он. — Зачем ты смотришь на меня так?» — Но окружающие услышали:

— Какого дерьма ты на меня так смотришь?!

Этот некто вскочил и обнажил клинок, с которым, видимо, спал. Юноша взвился, как смерч над водой. Клинок в его руках казался живым продолжением плоти. Он не видел, как главный вздохнул и отвернулся к своей женщине.

«Снорг был не из лучших, и при этом давно нарывался, — подумал капитан, увидев движения новичка. — Что ж, отсеб слабаков делает команду сильнее».

Спустя три мгновения острое меча Ириона вошло в сердце невольного обидчика, и все было кончено. Юноша даже удивился, что вооруженный человек так плохо владеет своим оружием, мастер Изгол за такое умение избил бы его клинком плашмя по неприятным местам, иначе на плоскогорье любой мужчина не выживет и полдня. Женщин это не касалось, их защищали мужчины. Но даже некоторые женщины владели своим оружием значительно лучше его противника.

Две декады спустя под истошный скрип мачт, стонущих под порывами восточного ветра, Ирион вспомнил слова воспитавшей его женщины: «Время там, где ветер». Пира-

ты, а он теперь уже знал, кем являются люди, к которым вывело его провидение, были в панике: живой товар, на прибыль от которого надеялись все, похоже, надо было скидывать с борта — Мать Моря гневалась. Женщин по одной подводили к корме и заставляли прыгать в бушующие волны. Ирион не знал, умеют ли они плавать, как он. До берега ближайшего острова было шагов шестьсот, но на камнях вскипали пенные фонтаны.

Пираты юноше не понравились, хотя многие из них стали уважать его за хорошее владение оружием. Но сейчас, пожалуй, стоило помочь женщинам, да и общество пиратов надоело. И как был в одежде и с оружием на поясе, Ирион шагнул за борт.

Плавать в горькой воде оказалось гораздо легче, чем в обычной, но мешали волны. Немного приноровившись к ним, юноша стал оглядываться в поисках женщин. Вскоре он увидел их. Они плыли группой, явно стараясь держаться вместе, несмотря на волны. Они хорошо держались на воде, хотя двигались не очень быстро. Некоторые из них поддерживали друг друга, только одна из плывущих сзади постепенно начинала отставать все больше и больше, а остальные, похоже, не замечали этого. Ирион направился к ней.

Молодой женщине, кажется, было плохо, и она иногда судорожно хватала ртом воздух. «Не волнуйся! Держись за меня», — сказал ей Ирион и сам положил ее руку на свою талию, чтобы та не схватилась ему за шею, как это бывает иногда. Женщина сначала дернулась и удивленно посмотрела на юношу, но вроде поняла и уцепилась за его пояс.

Вдвоем плыть было намного тяжелее, но все же они постепенно приближались к остальным. Теперь главное было найти место, где нет больших острых камней. Поднявшись на очередной волне, которые у берега становились намного выше, будто вставая во весь рост, Ирион присмотрел такое место и стал грести к нему.

— Вы куда?! Гребите левее! — вдруг послышался громкий женский крик за его спиной.

Юноша очень удивился, но послушался: возможно, та, что кричала, лучше знала это место. В результате ему пришлось выгребать наискосок, что замедлило движение. Пер-

вые женщины, дождавшись большой волны, уже выбрасывались на берег, стараясь после этого отбежать вверх по склону как можно быстрее, когда Ирион со своей женщиной только приблизился к остававшимся в воде. Несколько женщин сгрудились на месте, поддерживая ослабевших подруг. Оглянувшись, он внезапно увидел огромную волну, приближавшуюся к ним, и в то же время услышал голос той самой женщины, что приказала ему грести левее:

— Девочки, это наш шанс! Хватайтесь за нее!

Через несколько мгновений волна докатилась до них, и все стали грести из последних сил, стараясь удержаться на ее мощной спине, неудержимо стремящейся к берегу. Было видно, как уже выбравшиеся на сушу побежали в сторону скал и стали карабкаться на них, чтобы не быть смытыми обратно в море этой волной. Волна ударила в подножие скал и стала откатываться назад, пытаясь утянуть с собой людей. Ирион схватился за какой-то обломок скалы, торчащий из песка, и сжал руки изо всех сил. Вода откатилась, оставляя его вместе с женщиной, судорожно вцепившейся в его пояс, на берегу. Но тут же он услышал крик отчаяния и, взглянув вниз, увидел, что какую-то из женщин, сорвавшуюся со скалы, утягивает обратно в море.

На то, чтобы расстегнуть пояс с оружием, хватило пары секунд, и юноша бросился вниз, утопая в мокром песке. Сзади послышались окрики, но он не слушал их. Понимая, что не успевает, в последнем рывке он упал, хватая скользкую по песку женщину за волосы, и тут же их накрыло новой волной. От неожиданности юноша наглотался горькой воды с песком, но, когда волна откатилась, рванувшись изо всех сил, он все же успел перехватить женщину за руку и протащить вверх по берегу, куда морские валы почти не докатывались. Там он в изнеможении упал на песок, а женщину подхватили под руки подоспевшие товарищи.

Отплевавшись и отдышавшись, Ирион осмотрелся. Перебравшись несколько в сторону, где берег был повыше, женщины отжимали волосы и платья, тихо переговариваясь. Юноша встал и направился к ним.

Навстречу ему поднялась худая женщина средних лет,

она держала в руках пояс Ириона. Юноша узнал ту самую, что командовала в море.

— Спасибо тебе за помощь! — негромко произнесла женщина, подойдя к нему и отдав вещь. — Если бы не ты, то мы потеряли бы еще двоих.

— Не всем удалось добраться до берега? — спросил юноша, ему было больно, что он не успел помочь.

Женщина, кажется, поняла его:

— Одна из нас не выплыла после прыжка с корабля, возможно, ударилась о воду и потеряла сознание...

Ирион тяжело вздохнул.

— Не кори себя! То, что спаслись остальные, уже чудо.

— А почему нельзя было выходить на берег правее? — решил он задать вопрос.

— Там зыбучий песок. Ты бы не смог выйти из воды. — А потом, поясняя непонимающему юноше, добавила: — Я родом с одного из соседних островов. На счету этого места немало погибших людей.

Ирион кивнул, и женщина спросила его:

— Почему ты ушел с корабля?

— Мне не понравились пираты, — ответил юноша.

Кто-то из женщин, услышав его ответ, истерически рассмехался, остальные заговорили громче.

— Прости их! — вздохнула его собеседница. — Они еще не успели осознать до конца, что избежали страшной участи, которая их ожидала. Но почему ты тогда, придя в лагерь, сказал, что хочешь быть с ними?

— Надо же было что-то сказать, — дипломатично ответил юноша, понимая, что объяснение о случайно получившейся фразе только вызовет лишние вопросы, на которые он не сможет ответить. — У меня сильно болела нога, и не было воды, которую можно пить.

Женщина понимающе усмехнулась.

— Если хочешь, можешь пойти с нами, — сказала она. — На другой стороне острова есть два довольно больших поселка, там ты сможешь найти кого-нибудь, кто отвезет тебя домой.

Ирион грустно вздохнул. Собеседница поняла его по своему и добавила:

— А если тебе некуда возвращаться, то, может быть, найдешь там работу для себя. Если что, я подтвержу, что тебе можно верить.

Ни молодой человек, ни женщины не видели, как рухнула на покинутом ими корабле задняя мачта, разрывая и путая паруса и такелаж передней. Неуправляемую пиратскую шхуну стало сносить к коварным Киранским отмелям, после каждого шторма меняющим свои очертания. Там она в конце концов и застряла в зыбучих подводных песках. Мало кому из команды удалось спастись, добравшись до окрестных островов. Спасшимся оставалось гадать, погубило или спасло их то, что неизвестно откуда взявшийся странный юноша непонятно почему выпрыгнул с корабля вместе с невольницами, сброшенными за борт.

На самом деле Ирион забыл и думать о корабле, покинув его. Добравшись до ближайшего поселка вместе с женщинами, он, не найдя ничего интересного там, отправился в странствие по островам Райнского архипелага, что находится к востоку от Дорского полуострова и к северу от земель, называемых Северными Пустошами.

Глава 2 ХАЛЬДРА

«Путешественники рассказывают, что среди северных гор и в самих недрах Стайского хребта есть забытые храмы и города, а на склонах горных вершин вырезаны лестницы, которые не ведут никуда. В этих городах давно никто не живет, и неизвестно, кто жил там прежде. Стены храмов испещрены странными символами и надписями на неизвестном языке. Кому поклонялись там, о чем повествуют или предупреждают эти письмена? Сколько древних заклятий ждут своего часа, чтобы проявить себя?

Древние легенды упоминают о повелителях моря и неба. «Неведомы глубины морские, но еще больше тайн хранят небеса, а земля — только ступень между ними», — так они говорят».

Элианар ло'Райди. «Хроники Севера»

Война за «присоединение» Дойна к Дору отошла в прошлое. Дорский полуостров успел стать Дорской провинцией королевства Игмалион. Мирная жизнь со скрипом вошла в обычное русло, когда из пограничных селений у подножия Стайского хребта и продолжающей его к западу Архенарской гряды неожиданно начали пропадать дети. В основном это были мальчики лет трех-четырёх, хотя среди них оказалась и одна девочка того же возраста. Пропажки происходили с обеих сторон — и с основной территории Дора, и с территории области Дойн, поэтому те, кто обязан был следить за охраной порядка, не знали, что и предположить. Население пребывало в панике — ни заборы, ни охрана не были препятствием для неизвестного похитителя. Чаще всего дети пропадали под вечер, но когда перепуганные родители стали пораньше уводить своих чад за стены домов, похищения продолжались и днем. Даже у местного владельца — Тарио Л'Ани, одного из немногих аристократов Дойна, сохранивших свое положение благодаря лояльности к дорской короне, пропал трехлетний младший сын.

Со стороны Дора не было известно ни одного прохода через Стайский хребет в сторону Дойна, там громоздились только отвесные скалы, прорезанные глубокими трещинами. Редко кто из местных охотников, да и то со специальным снаряжением, ухитрялся подняться наверх и пробраться через это каменное месиво на другую сторону хребта. Можно было бы списать исчезновение детей на дикого зверя, но на месте похищений ни разу не видели следов крови. Поэтому подозревали, прежде всего, пришлый люд из Центрального Дора или охотников за живым товаром, но и тут возникало некоторое недоумение, ибо работорговцы обычно предпочитали детей постарше, редко кто зарился на таких-то вот маленьких.

Усиление охраны поселений и патрулирование окрестностей сначала результата не дало, похищения детей продолжались. Правда, пару раз видели промелькнувшую серую тень какого-то крупного животного, а местные следопыты находили очень крупные следы, похожие на кошачьи.

Со слов старожилков, крупные дикие кошки некогда водились в этих горах, но никто и никогда их живьем не видел.

Однако через месяц с небольшим исчезновения детей прекратились. Похищенных, а их к тому времени насчитывалось одиннадцать, к сожалению, так и не нашли.

Релио с трудом выбирался из объятий тяжелого сна, всплывая вверх, к солнечному свету. Когда ему удалось все же приоткрыть глаза, оказалось, что этот свет бьет в узкое отверстие пещеры, в которой лежал юноша. Четких очертаний зрение почему-то не давало, все расплывалось перед его глазами, не желаящими сфокусироваться. На мгновение что-то темное заслонило свет, а вскоре он почувствовал на своей спине шершавый язык и услышал басовитое мурлыканье. Его дрожащая рука наткнулась на кого-то, покрытого мягким густым мехом, мурлыканье стало громче.

«Гальдра», — всплыло в сознании имя зверя.

— Хальдра! — произнес юноша шепотом, потому что голос его тоже не слушался.

Обладательница густой шерсти и басовитого мурлыканья шутя опрокинула приподнявшегося и начала тщательно вылизывать его целиком, как маленького котенка. Релио порой пытался увернуться, но в целом жесткий язык вызвал прилив крови к коже и мышцам, и юноша постепенно начал более отчетливо воспринимать окружающий мир.

Примерно через полчаса он смог сесть и кое-как оглядеться. Небольшая пещера была вся расписана странными символами, наружу вел довольно узкий проход. Как он сюда попал? На задворках памяти теплилась уверенность, что залез он сюда сам, невзирая на протест Хальдры, просто очень хотелось спать, а заснуть на открытом месте, даже под присмотром карайна, опасался. Чем дольше он пытался вспомнить, тем больше уверялся в том, что помнит очень мало. В чем же дело? Возможно, эта пещера заколдована, и он случайно попал под действие неведомого заклятия? Сколько времени прошло? Судя по теплоте солнечному свету и окружающей температуре — сейчас лето, а забрался

он сюда в начале осени... или весны?.. В общем, было мокро и холодно.

В это время вернулась Хальдра, он привычно произносил ее имя так, как произносят на родном диалекте. Она принесла тушку какого-то мелкого животного, возможно, дарси¹. Юноша попробовал найти свой мешок, где должно было находиться огниво и другие походные вещи, и только тут понял, что на нем вовсе нет одежды. Это привело Релио в шок. «Почему?!» После обнаружения под собой небольшой кучки почти истлевших тряпок до него начало доходить ужасное — не несколько месяцев он здесь проспал...

«О, боги! Что же произошло со мной?!»

Релио всегда отличался способностью попадать в самые странные ситуации и так же странно выпутываться из них. Например, с Гальдрой он познакомился, когда в тринадцать лет, за несколько часов до начала торжественного празднования его дня рождения, решил залезть на скалу, чтобы полюбоваться долиной сверху, и застрял там, и очень серьезно. Камни, на которые мальчик наступал по пути вверх и казавшиеся абсолютно надежными, при попытке спуститься начинали предательски скрипеть и грозили сорваться со своего места, а высота была около трехсот локтей. Испробовав все, кроме спуска по веревке, которую он как раз и не взял, Релио сидел в узкой расщелине и тихо плакал, не столько от страха — его рано или поздно нашли бы, сколько от бессилия. И тут появилась Гальдра.

То, что огромную серебристую кошку зовут именно так, он узнал позже. А в первый момент увидел, как из-за выступа скалы локтями десятью выше его выглядывает удивленная, иначе не описать, кошачья морда с встопорщенными усами и с интересом рассматривает застрявшего подростка. Почему-то он не испугался неожиданной гостьи, и та, видимо, тоже почувствовала это. Потом он не раз уверялся в том, что карайна чувствует его эмоции и понимает многие слова, он и сам иногда понимал ее без слов. Кошка тихо мя-

---

¹ Дарси — небольшой грызун, нечто среднее между крысой и кроликом. Живет небольшими колониями на дугах. Мясо вкусное и нежное, мех ценности не имеет.

укнула и качнула головой. Релио показалось, что она приглашает его к себе. Мальчик встал, кое-как разминая затекшие ноги, и попытался подтянуться на обломке скалы, торчащем сверху. Обломок держался крепко, и со второй попытки Релио удалось вскарабкаться на крохотную площадку, расположенную выше места, где он находился до сих пор.

Релио присел, переводя дыхание, и неожиданно встретился глазами с кошкой. Что-то нахлынуло на него, тоска и боль скрутила внутренности — вот тогда он узнал, что карайна по имени Гальдра недавно потеряла двоих котят, которым не было еще и месяца. Потом первая волна чувств, передаваемых кошкой, схлынула, и она задумчиво посмотрела на мальчика. Тот протянул руку и погладил кошку по голове, прижавшись к ней и передавая свое сочувствие. Карайна сначала дернула головой в попытке отстраниться, но потом разрешила Релио приласкать себя. Немного посидев с Гальдрой, мальчик поднялся со словами:

— Ну куда же мне теперь идти? Сюда? — и попробовал начать спускаться с другой стороны, но был аккуратно схвачен кошачьими зубами за ремень штанов и развернут в противоположную сторону.

Подросток попытался спуститься там, куда указывала кошка, но, увы, ноги не доставали до опоры, а прыгать на ненадежные камни он не решался. Тогда кошка, почесав себя за ухом, опять посмотрела Релио в глаза и мотнула головой в сторону своей спины. Он понял, что она предлагает садиться верхом. Это было что-то! Мальчику приходилось слышать, что существуют обученные карайны, которые возят своих напарников, но самому подобного видеть не доводилось.

Осторожно он вскарабкался и распластался на спине лежащей кошки, вцепившись в ее шерсть, как клещ. Карайна встала, слегка потянулась и прыгнула. Как Релио не перелетел через ее голову при таком прыжке, оставалось только удивляться. Дальше спуск пошел медленнее, зато без головокружительных номеров. Карайна пробиралась между скал, то поднимаясь, то спускаясь, пока наконец не достигла почти самого низа. Там на небольшом карнизе она снова

легла, явно приглашая спуститься с ее спины. Релио слез и, осмотревшись, понял, что дальнейший спуск не составит труда даже для ребенка.

Как умел, на словах он поблагодарил спасительницу, а та, ткнувшись в него мордой, развернулась, и только серая тень мелькнула среди серых скал. Мальчик спустился в долину и, слегка поцарапанный к неудовольствию матери, явился на празднество, которое должно было вот-вот начаться. Испугаться за Релио не успели, все привыкли к его долгим прогулкам по окрестностям.

Месяцы шли за месяцами. Нередко в своих прогулках будущий владетель Лос-анха встречал серебристую карайну, казалось, нередко знавшую, когда и куда он направится. Тогда они вместе бродили по окрестным горам, где Гальдра показала спутнику немало укромных лазеек, о которых не знали даже местные охотники, и кучу других интересных мест. Тайком Релио сшил из ремней некое подобие упряжи, позволявшее удержаться на спине карайны при ее головокружительных виражах, после чего они смогли вместе забираться все дальше и дальше. Среди неприступных скал обнаружили крохотные долины с журчащими ручьями, поросшие диковинными цветами, не встречавшимися на равнине. Над цветной галькой в кристально чистой воде резвилась рыба мелюзга. Потом эти ручьи уходили в узкие промоины в толще скал, чтобы появиться на равнине прямо из-под земли. Хотя встречались и широкие лазы, вводившие глубоко в скальный массив.

Подрастая, Релио стал уходить в горы и на несколько дней. Он ночевал, прижавшись к теплему боку своей спутницы, разводил небольшой костерок, на котором жарил кое-что из добычи, принесенной Гальдрой. Вскоре они с серебристой карайной научились понимать друг друга без слов, «словами» она с юношей почти не говорила. Они стали не то чтобы напарниками, скорее, спутниками, путешествующими вместе. Однажды карайна провела юношу по одному из проходов на дорскую сторону гор. Обратны они возвращались уже другим путем, слишком уж сыро и уютно было в подземельях, где скоро начинало казаться, что

кто-то невидимый в темноте смотрит на тебя. Гальдра, правда, этих пещер не боялась, хотя в некоторые проходы заходить отказывалась. К сожалению, объяснений от нее добиться было невозможно.

Релио сидел на полу пещерки, щурясь от дневного света. Он уже обшарил ее в поисках вещей, найдя у входа свой кожаный дорожный мешок и очень старые следы от костра. Огниво сохранилось, хотя железка слегка заржавела; сохранился и кинжал, с которым он в тот раз пустился в путь. Однако огонь он разводить не стал, решив не заниматься пока поиском дров, и перекусил сырым мясом, принесенным Гальдрой, как случилось и раньше. Несмотря на длительное время, проведенное во сне без еды, желудок нормально принял пищу.

Память понемногу начала возвращаться к нему.

Года три спустя после знакомства они с карайной, как обычно, отправились в горы и забрались довольно далеко от дома Релио. На пустом неприветливом плато их застигла внезапная буря с холодным проливным дождем. Путешественникам ничего не оставалось, как спуститься в одну из широких расщелин, разрезающих плато, и попытаться найти там укрытие от ненастья. Если бы не карайна, Релио рисковал бы сломать себе шею, спускаясь по таким скалам. Даже Хальдра то и дело поскользывалась на скользких от дождя камнях и раздраженно шипела, а когда все же спустилась на дно расщелины, у нее от напряжения дрожали лапы. Релио был абсолютно мокрым, его трясло от холода.

В таких условиях укрытие нужно было найти как можно быстрее, поэтому, обнаружив первую попавшуюся пещерку, юноша решил залезть в нее, прихватив несколько не совсем мокрых обломков дерева. Хальдра попыталась оттащить его от входа, но юноша был не в себе от холода, и кошка сдалась, отпустив его одежду. Кажется, он пытался зажечь огонь, но руки не слушались, промокшие дрова скорее тлели, чем горели, и, видимо, Релио, натянув на себя всю одежду, которая была с собой, просто лег у чадающего костра и отключился.

Сколько же времени прошло? Что делать теперь?

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1. Пришедшие с моря</i>	9
<i>Глава 2. Хальдра</i>	31
<i>Глава 3. Новые тропы</i>	54
<i>Глава 4. Взгляд из темноты.</i>	65
<i>Глава 5. Кольцо богов</i>	81
<i>Глава 6. Тени прошлого.</i>	95
<i>Глава 7. Именем Закатного Огня</i>	119
<i>Глава 8. Придет ли сумеречный странник...</i>	146
<i>Глава 9. Западный ветер</i>	164
<i>Глава 10. Восточный ветер</i>	192
<i>Глава 11. Уроки древних</i>	213
<i>Глава 12. Грань тонка</i>	235
<i>Глава 13. Трудные решения</i>	252
<i>Глава 14. Возмездие</i>	275
<i>Глава 15. Путь в неизвестность</i>	292
<i>Глава 16. Жизнь на всех одна</i>	312
<i>Вместо эпилога</i>	339